

УДК 94(470.5),,1937”

«ОГЛЯДЫВАЯСЬ НА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ»: СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЛА СВЯЩЕННИКОВ, ПОСТРАДАВШИХ В ПЕРМИ В ГОД БОЛЬШОГО ТЕРРОРА¹

М.И. Дегтярева, Н.Е. Дегтярева

Региональный институт непрерывного образования Пермского государственного национального исследовательского университета, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15

Отдел истории и канонизации Пермской епархии, 614007, Пермь, ул. Тихая, 23

maria-msses@yandex.ru

Исследуется история массовых репрессий в отношении духовенства, имевших место в Перми в период «ежовщины». Материалом для анализа послужили документы из фондов Пермского государственного архива новейшей истории (ПермГАНИ). Помимо общего статистического обзора данных о терроре в отношении пермских священников, представлены документальные свидетельства о способах возбуждения коллективных дел местным отделением НКВД, а также панорама судеб пермских священников, попавших под «волну» массового террора 1937 г. Прослеживается связь между «курсом» на террор, выбранным Сталиным и его окружением, и результатами всесоюзной январской переписи населения, показавшей, что, несмотря на все усилия антирелигиозной пропаганды, 56,7 % населения страны признали себя верующими. Большой террор, очевидно, был связан и с выборами в Верховный Совет СССР, намечавшимися в декабре. Основная работа по «зачистке» «классово-враждебных» элементов должна была закончиться к этому месяцу. Находит также подтверждение тезис историка Руссои православной Церкви о. Александра Мазырина об изменении государственной стратегии в отношении Церкви: от провокации внутренних расколов – к ее тотальному уничтожению. Подчеркивается, что связанные обращение к судьбам пострадавших за веру не должно становиться поводом для возбуждения чувства мести.

Ключевые слова: репрессии в отношении духовенства, массовый террор, «ежовщина», архивно-следственные документы ПермГАНИ, церковно-государственные отношения в XX в.

Тема, связанная с Большим террором, разрабатывается в зарубежной и отечественной историографии более тридцати лет. Из наиболее значительных исследований заслуживают упоминания выдержавшая несколько переизданий работа Р. Конквеста [*Conquest*, 1968], труды Р. Медведева [*Medvedev*, 1984], А. Антонова-Овсеенко [*Antonow-Owsejenko*, 1984], а также сборники «Трагедия советской деревни» [Трагедия советской деревни..., 1999–2006] и «Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД» [Лубянка. Сталин..., 2004]. Стоит отметить и коллективный труд, выпущенный издательством «Российская политическая энциклопедия» [Сталинизм в советской провинции..., 2009]. Взятый авторами за основу критический метод позволяет опровергнуть представление о «стихийном», «слепом» характере сталинского «террора», исследовать политические цели его инициаторов, понять своеобразную внутреннюю «логику» и проследить динамику репрессий по месяцам, раскрыть характер легитимации «террора» в общественном сознании и, наконец, поставить задачу выявления фальсификаций в материалах архивно-следственных дел. Обширный фактический материал, собранный группами исследователей из разных регионов, дает возможность реконструировать применявшиеся карательными органами схемы построения коллективных дел.

По мере изучения темы в качестве самостоятельного выделилось направление, связанное с репрессиями против Русской православной церкви и ее существованием в условиях полуполициарности. Введены в научный оборот сведения о местах наиболее массовых расстрелов (таких как Бутовский полигон), составлены мартирологи и жизнеописания новомучеников и исповедников российских, некоторым из них посвящены отдельные монографии и публицистические произведения.

С точки зрения общей характеристики процессов 1937–1938 гг. в Пермской епархии наиболее важной является статья М.Г. Нечаева и С.В. Уткина [*Нечаев, Уткин*, 2009]. В ней рассматриваются роль Большого террора в репрессивной политике Советского государства по отношению к Русской православной церкви, этапы и технологическое «оформление» террора против верующих,

представлен статистический анализ материалов архивно-следственных дел по этносоциальному и возрастному критериям, показано количественное соотношение репрессированных представителей разных внутрицерковных направлений: «староцерковников», «обновленцев», старообрядцев, «григорянец», приведено общее число репрессированных духовных лиц (вне зависимости от исповедания) и активистов религиозных организаций.

В настоящем исследовании «выборка» документов производилась более «фокусно», что определялось практической необходимостью: для епархиального отдела по истории и канонизации отбирались в первую очередь дела православных священников. Нам представляется, что для понимания событий середины 30-х гг. возможен анализ исторического материала и в логике *личностного подхода*, через обращение к судьбам пострадавших. В данной статье мы ставим перед собой цель, во-первых, дать общую характеристику дел православных священников из фондов ПермГАНИ за 1937 г., во-вторых, воссоздать хотя бы частично нравственный и духовный облик священнослужителей, попавших под «волну» Большого террора.

Поскольку протоколы следственных дел 1937 г. достаточно скупы, для достижения второй цели методологически важен сравнительный анализ источников. В некоторых случаях материалом для дополнения и уточнения характеристик подследственных послужили дела более раннего времени: многие священники подвергались допросам и привлекались к ответственности ЧК–ОГПУ–НКВД не один раз. В качестве материала нами рассматриваются тексты донесений в НКВД, протоколы допросов обвиняемых и свидетелей, а также документы, характеризующие методы работы следователей. Это помогает составить более полное и конкретное представление о характере процессов 1937 г., увидеть за формализованной стороной протоколов личностные черты и отчасти выявить *достоверное, свободное от фальсификации* содержание архивно-следственных дел. Значительная часть материалов публикуется впервые.

Конечно, за год работы (с момента открытия дел 1937 г.) невозможно охватить всего, получены первые предварительные результаты. Однако уже сейчас можно сделать вывод о том, что репрессии против верующих укладываются в общероссийскую «канву». По масштабам они были второй по значению после «красного террора» «ударной волной», направленной против православной церкви. Последний отличался в Перми особой жестокостью и носил «фронтальный» характер [Агафонов, 1997; Вяткин, 2000.; Балмасов, 2006; Нечаев, 2004, 2009]. Таков вывод к той схеме, которой придерживается А. Беглов: «Повсеместное закрытие храмов в 1930-х гг. придало этому явлению (речь идет о сужении сферы легальности для Церкви и расширении церковного подполья. – М.Д., Н.Д.) массовый характер. Именно 1929 – 1930 гг. (а не вторую половину 30-х гг.) духовенство вспоминало впоследствии как самые страшные годы, как пик преследований и репрессий» [Беглов, 2008].

Начало 30-х гг. и на Урале было связано с закрытием храмов под предлогом борьбы с «противниками сплошной коллективизации». Наиболее распространенным поводом для преследования священнослужителей со стороны властей, как правило, было то, что духовники напоминали пастве о значении постов и церковных праздников. И все же политические репрессии 1932 – 1935 гг. еще не имели таких необратимых последствий, как в последующем: во многих местах верующим удавалось отстоять храм, а приговоры в отношении духовенства и клира не представляли прямой угрозы для жизни.

Определение числа репрессированных в Перми православных священников в 1937 г. и 1918 – 1936 гг. позволяет предварительно установить, что в 1937 г. по материалам архивно-следственных дел ПермГАНИ проходило 170 персоналий, а в 1918 – 1936 гг. – 136. (Правда, надо принимать во внимание и то, что документы архива не отражают действительной статистики «красного террора» 1918 г., поскольку в большинстве случаев убийства совершались «явочным порядком», без занесения в протокол.) Таким образом, в год «тотальной зачистки» репрессиям подверглось такое же число священнослужителей, как и в предшествующие двадцать лет.

Статистические расчеты затруднены несколькими обстоятельствами: во-первых, часть подвергшихся репрессиям священников, официально находясь за штатом, фактически продолжали служение в условиях церковного «подполья», занимая должности церковного причта или состоя на службе в гражданских учреждениях; часть их были безработными и несли обязанности духовного служения на дому. Их подвергали аресту как гражданских лиц. В базу архива попали единичные случаи, выявленные на следствии. Во-вторых, невозможно представить статистику священников,

погибших и расстрелянных в лагерях. Поэтому данные о числе репрессированных православных священнослужителей в разных исследованиях расходятся и будут уточняться.

Следующей особенностью процессов 1937 г. является заметное ужесточение приговоров. В 1937 г. из 170 дел священников 100 заканчивались резолюцией «расстрелять», что составляет 58,8 % всех дел. (Для сравнения: в 1938 г. так завершались 16 дел, 1918 по 1936 г. – 4, т.е. около 3 %.) Если в 32-м – 35-м гг. обычной мерой наказания по статье 58 (10) УК была ссылка, реже – заключение сроком от 3 до 5 лет, то в 1937 г. по той же статье «высшая мера» значительно преобладает даже над более суровым при сопоставлении с предыдущими годами приговором: «десять лет исправительно-трудовых лагерей».

Меняется и сам характер следствия. В 1937 г. НКВД инициирует в основном крупные коллективные дела с привлечением от одного до десяти священнослужителей. По объему они могут составлять от 30 листов до 10 томов. При этом в 1932 – 1935 гг. еще сохранялось какое-то подобие «расследования»: сначала на основании сведений «секретных сотрудников» или по заявлению представителей власти на местах производился опрос свидетелей, затем оформлялось постановление о привлечении «подозреваемых» к уголовной ответственности, после чего подследственных допрашивали и затем выносили приговор, не исключавший возможности составления кассационной жалобы. В 1937 г. начинает работать «конвейер». Иногда все «следствие» занимает неделю, в одном случае – один день. О скорости и жестокости процессов свидетельствует красноречивая деталь: почти все дела «слепые», фотографии встречаются в единичных случаях. О том, что по отношению к обвиняемым применялись незаконные методы допросов, можно судить по материалам дел, возбужденных в отношении бывших сотрудников НКВД в 1939 и в 50-е гг.

Современные исследователи в качестве одной из главных причин Большого террора называют результаты январской переписи, показавшие что, несмотря на атеистическую пропаганду, 56,7 % граждан страны признали себя верующими. Второй причиной были выборы в Верховный Совет СССР, намечавшиеся в декабре [Головкова; Мелентьев; Нечаев, Уткин, 2009]. Основная работа по «зачистке» «классово-враждебных» элементов должна была закончиться к этому месяцу, и обоснованием для объяснения превышения расстрельного лимита служила формулировка «ввиду предстоящих выборов». В Перми «пик» репрессий в отношении духовенства пришелся на конец лета – осень 1937 г.

Находит подтверждение и тезис историка православной церкви, преподавателя Свято-Тихоновского гуманитарного университета Александра Мазырина об изменении государственной стратегии в отношении Церкви: от провокации внутренних расколов – к ее тотальному уничтожению [Мазырин, Советская власть и Церковь]. Если для духовенства «тихоновского» направления, как показывают М.Г. Нечаев и С.В. Уткин [Нечаев, Уткин, 2009, с. 251, 257–258], наиболее тяжелым оказался 1935 г. – все священнослужители Перми и Мотовилихи (пос. Молотов) были арестованы во главе с архиепископом Глебом (Покровским), то по представителям других направлений сокрушительным ударом был нанесен в 1937 г. Материалы ПермГАНИ содержат не только дела «тихоновцев», «сергиан» и «истинно православных христиан». Среди репрессированных есть и «обновленцы», которых власть еще недавно использовала в борьбе против «правого», тихоновского, крыла, и старообрядцы [ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 26188], а также трое «викторианцев». Встречаются и дела бывших «секретных сотрудников». За внешними формальными характеристиками открывается живая история между верой и безверием, исповедническим подвигом и ослеплением, мужеством и человеческой слабостью.

Одним из первых в 2012 г., т.е. тогда, когда члены Отдела истории и канонизации получили доступ к материалам 1937 г. из фондов ПермГАНИ, было найдено дело священника Симеона Савкина, запомнившегося нам по более раннему периоду репрессий. Дело интересное как с точки зрения выявления достоверного содержания в материалах допросов, так и с точки зрения характеристики изменения социальной психологии крестьянства и отношения его к духовенству начиная с Гражданской войны и кончая серединой 30-х гг.

Возможность «тестирования» следственных материалов по делу 1937 г. с целью выявления правдивости отражения событий появляется благодаря сохранившемуся делу 1932 г. Это позволяет определить, было ли обвинение 1937 г. полностью сфабрикованным или имело реальную основу, которая могла получить в период Большого террора специфическую интерпретацию? В 1932 г. о.

Симеона наказали «мягко», дав ему пять лет концлагеря за «сопротивление колхозному строительству».

Знакомство с материалами дела 1932 г. убеждает в том, что тогда главной причиной ареста священника послужил его категорический отказ от сотрудничества с ОГПУ в качестве осведомителя, поводом же – неуплата им налога в трехдневный срок по предъявленному сельсоветом уведомлению. А «политическим обоснованием» стало его давнее участие в Дубровском «восстании» 1918 г. Таких акций, как организованное сопротивление «красным продотрядам», власть, как правило, не забывала. Именно этот факт и стал основным в процессе обоснования обвинения против священнослужителя в 1937 г.

Основным свидетелем по делу отца Симеона Савкина был сосед по квартире, участник того самого Дубровского «восстания», в котором священнику пришлось выступить одним из основных действующих лиц. Он поднял народ набатом, как только пришло известие о грабительстве и бесчинствах командированного к ним из города продотряда, разорившего перед этим несколько деревень. Этот свидетель сообщил: «Ставлю вас в известность, что в Павловске проживает поп Савкин Симеон Федорович, который ходит по деревням под видом исполнения религиозных обрядов. Занимается антисоветской агитацией среди колхозников. <...> Савкин за это уже был судим и сейчас не унимается. Во время гражданской войны Савкин был организатором кулацкого восстания, но каким-то образом остался не расстрелянным, что и дало возможность ему вредить советскому строительству» [ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 2230. Л. 1–]. Мы не узнаем наверняка, каковы были мотивы автора этого документа: он смутно ощущал опасность или слышал угрозы в свой адрес, а может быть, писал под чью-то диктовку? Но в то самое время, когда этот свидетель составлял «заявление» в очерское РО НКВД, его имя уже фигурировало в аналогичном «донесении», приобщенном к тому же делу, где раскрывалось его прошлое как «пособника и контрреволюционера». «Можно сделать вывод, что два друга бывшего восстания имеют тесную связь, хотя один поп, а другой советский служащий» [ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 2230. Л. 4.].

Были еще пять свидетелей. Колхозница Фекла шестидесяти четырех лет, малограмотная, показывает: «Когда били красногвардейцев, то этот Савкин Семен Федорович был среди кулаков, градил их крестом и агитировал мирян: защищайтесь, не давайте в руки красногвардейцам» [ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 2230. Л. 7]. Человек, ходивший с отцом Симеоном по требам, описывает собственное освобождение «от религиозного дурмана»: «Да, я действительно с ним бывал несколько раз на выполнении религиозных обрядов. Я думал, что они действительно идут по правому пути, а на самом деле (он) занимается только обманом людей, в том числе и меня. Савкину, конечно, не нравится советская власть» [ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 2230. Л. 15].

Набор обвинений – стандартный для тех лет: агитация против колхозов, разговоры о голоде и о преимуществах того, что было до революции. В 1937 в отличие от 1918 и начала 30-х гг. священников почти не спрашивают о вере, дела оформляются как «политические». А в результате приговор «тройки» по статье 58-10 УК: «Савкина Симена Федоровича заключить в ИТЛ на 10 лет, считая срок с 30/ IX – 1937». Что ожидало отца Симеона на этом пути и пережил ли он заключение, пока неизвестно.

Сравнение дел 1932 и 1937 гг. позволяет установить следующее: обвинение в организации о. Симеоном «саботажа» в период Гражданской войны *имело все же реальную основу*, оно не было целиком сфальсифицировано следователем в ходе допросов в 1937 г. Священник, действительно, был среди участников событий в с. Дуброво и созывал людей набатом. Однако дела различаются *степенью «откровенности»* и, главное, *оценочной стороной* свидетельских показаний. В 1918 г. из участников «восстания» его не выдал ни один, и после допроса в ЧК (это во время «красного террора») батюшку отпустили. Вспоминая о событиях периода Гражданской войны в 32 г., вынужденные свидетели явно пытались его оправдывать: «был только в начале, сдерживал односельчан, потом ушел». К 37 г. *оправдательный* мотив: «во время инцидента у здания управы о. Симеон по долгу пастыря защищал и *самих красноармейцев* от расправы со стороны возмущенных крестьян» уже не звучит. Теперь в свидетельских показаниях священник Симеон Савкин выступает как «враг советской власти», и заступиться за него некому.

Перед исследователями дел 1937 г. проходит множество «заявлений» и протоколов допроса. Мотивы свидетелей различны: в одних случаях чувствуется принуждение – говорят уклончиво, скупно, неохотно, в других – явно преобладает страх за близких, за детей. И все же есть немало

«доброхотных» свидетельств с личным эмоциональным вложением: «Пишу по зову сердца» или «Считаю своим долгом донести».

Некоторые показания могут быть представлены в учебниках и хрестоматиях как образец стиля тех лет. Например: «Байдаров, поп Пургинской церкви, при своем месте работы занимается разлагательством колхозной дисциплины. Под предлогом Пасхи агитировал. <...> Занимается разлагательством колхозного строя. Путем тихой сапой. <...> Работает, чтоб больше пошло за религию. Завлекает молодое поколение» [ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 7460. Л. 1–А, 2.]; «В нашем Озерском (деревня Озерок. – М.Д., Н.Д.) обществе находится ярый белобандит Иван Иванович Малмыгин. <...> Я как действительный член партии считаю своим долгом сказать, что такой человек как Малмыгин есть враг народа. Он не может принести нам никакой пользы кроме вреда. А потому прошу приять с таким белобандитом строгие меры» [ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 6625. Т. 1–2. Л. 5]. И старообрядец о. Савелий Байдаров, и о. Иоанн Малмыгин, священник тихоновского направления, в прошлом ветеран германской войны, по приговору «троек» получили по десять лет исправительно-трудовых лагерей.

Наибольшее впечатление производят случаи, когда «челобитчики» по собственной инициативе ходатайствуют о возбуждении дел в отношении духовенства, например, о. Савелия Байдарова: «Просим очерский НКВД выехать на место и данный материал рассмотреть, и привлечь за его проделанную работу» [ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 7460. Л. 3]. Но ответа на письмо нет, и тогда следует повторное обращение в «органы»: «Довожу, что по данному вам материалу на попа Байдарова никаких мер не принято, что является недоверием передовых людей колхоза к руководящему составу. Прошу НКВД обследование возобновить и помоч Пахомовскому с/с (сельсовету. – М.Д., Н.Д.) в ликвидации Байдарова с территории Очерского района» [ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 7460. Л. 4].

Среди инициаторов дел и «авторов» донесений в НКВД не только члены партийных ячеек и председатели сельсоветов, но и рядовые колхозники и работники изб-читален, учителя и совсем юные комсомолки.

На основании протоколов трудно и во многих случаях почти невозможно определить духовный облик людей, представших перед следствием НКВД. С некоторыми делами явно «поработали»: не по одному разу менялась нумерация страниц (первоначальные номера страниц зачеркнуты или подтерты). И все же, несмотря на «отжатость» материала архивно-следственных дел 1937 г., в нем попадаются яркие детали, обнаруживается открытое свидетельство веры.

В частности, судя по материалам дела священника из села Ильинское, о. Симеон Субботин предстает выдержанным и немало претерпевшим на своем веку человеком, которому достает сил отвечать на нелепые обвинения «в тон» допрашивающих, с долей юмора. Из дела мы знаем, что закрыта церковь и шестидесятивосьмилетний «поп не служит, а живет на иждивении людей и разлагает колхоз». Батюшка – из «бывших», в прошлом учитель народной школы и делопроизводитель при земской управе, подвергавшийся аресту и суду в начале 20-х гг., однако оправданный за недостатком улик. Ему предъявляют и «фактическое обвинение»: «Были случаи, что ваши козы приносили ущерб колхозу тем, что выедали озимь, топтали ее». Ответ подследственного: «С политической точки зрения этот факт является явно вредительским, иначе его рассматривать никак нельзя».

В данном случае для установления *подлинности «авторской речи»* обвиняемого имеет значение выбивающаяся из общего формализованного стиля протокола деталь – шутка, включенная в ответ, но «излишняя» с точки зрения *целей* самого процесса. Именно эта «вольная» деталь позволяет предположить, что речь о. Симеона Субботина была зафиксирована дословно.

Применялись ли по отношению к нему «дополнительные меры» или о. Симеон считал, что в его лета недостойно лицемерить, но на вопрос об отношении к политике партии он дает ответ: «Советская власть руководит неправильно» [ПермГАНИ. Ф. 641/2. Оп. 1. Д. 16482. Л. 8, 10]. В данном случае установить подлинность ответа по стандартизированной форме не представляется возможным. Однако итогом было постановление «тройки» от 16 / XI – 1937 г.: «Субботина Семена Петровича заключить в ИТЛ сроком на 10 лет». Тут же извещение: «30-го / XI – 1937 убыл в Каргапольлаг НКВД. Других сведений о дальнейшей судьбе нет». В 1956 г. на запрос родственников будет дан формальный ответ: «... заключенный Субботин С.П., 1869 г.р., отбывая срок наказания, умер в Кар-

гапольлаге 3 января 1938 г. от паралича сердца». О том, насколько подобные ответы соответствовали действительности, можно судить по примерам, приведенным далее. Отец Симеон в 1958 г. был реабилитирован посмертно.

Встречаются и удивительные примеры мужества, когда подследственные не опровергают показаний свидетелей в отношении себя самих, но отказываются от «сотрудничества» со следствием, понимая, что каждое слово может стоить жизни кому-то еще. Федор Васильевич Бахматов – это его мирское имя, по документам. «Информаторы» указывают на то, что подследственный – священник «тихоновской» ориентации, иеромонах. Личные сведения скупы: 1874 года рождения, до ареста жил в Юсьвенском районе Коми-Пермяцкого округа, начал служить до революции, в 1915 г. О монастыре и о местах службы не сообщает. Признает себя виновным в том, что, не имея постоянного места работы, «ходил по деревням и крестил, не имея разрешения» [ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 27496. Л. 19–24]. От него и еще нескольких священников добиваются показаний о деятельности мифической «союзной контрреволюционной организации» по отработанной НКВД «пирамидальной» схеме. Более крупными «мишенями» являются в этом случае Пермский епископ Глеб (Покровский), Свердловский – Петр (Савельев) и предстоятель Русской православной церкви митрополит Сергей (Страгородский). Но «выжать» из подследственного удастся только одно: «Заявление. Следствие требует от меня признания о моем участии в контрреволюционной организации церковников. *Категорически заявляю, что показаний давать не буду.* Ф. Бахматов. 27 октября 1937 г.» [ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 27496. Л. 26].

Решительность этого заявления, а также вынесенный приговор позволяют предположить, что Ф. Бахматов, действительно, отказался давать показания. На каждом допросе в протоколе значится: «Ни о какой организации не знаю и ни от кого не слышал»; «На данный вопрос отвечать не буду и в дальнейшем прошу таких вопросов не задавать».

Однако в «плановых» процессах 1937 г. обвинительное заключение не зависело от признания или непризнания вины. Содержание приговора определяется стечением факторов – конъюнктурой, «прозорливостью» следователя и «словоохотливостью» информаторов: «Бахматов Ф.В. является активным участником к/р фашистской повстанческой организации церковников. Выполняя задачи к/р организации и не занимаясь общественно-полезным трудом, ходил по деревням, крестил взрослых и детей, вел к/р агитацию. Собирал шпионские сведения об экономическом и политическом состоянии колхозов и настроении населения. Показания о своем участии в к/р фашистской организации давать отказался. Виновным себя не признал, но прочитал показания (перечисляются имена осведомителей)» [ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 27496. Л. 30]. В конце дела – приговор «тройки» от 2/XI – 1937 г.: «Расстрелять. Лично принадлежащее имущество конфисковать» [ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 27496. Л. 31]. Приведен в исполнение 10 ноября 1937 г. В 1989 г. к делу приложена справка о реабилитации.

По мере знакомства с делами репрессированных священников у историков и архивистов естественно появляются свои привязанности – обычно к тем, кто уже прославлен как мученик за Христа, или «кандидат» на прославление.

Священномученик Димитрий Овечкин – типичный деревенский «требный» батюшка, служивший в Прокопьевской церкви села Кузнечиха Осинского уезда. Родился в 1877 г. в крестьянской семье. И, наверное, немало пришлось ему приложить усилий для того, чтобы получить образование – в Казанской учительской семинарии. Сан священника он принял в 32 года. Рукополагал его в 1909 г. епископ Палладий. «Крестный путь» начался для о. Димитрия с 1922 г., когда он отказался участвовать в комиссии по передаче церковных ценностей. Тогда его впервые осудили на шесть месяцев условно, а в 1930 г. определили реальный срок – три года концлагеря по обвинению в «организации выступлений против проводимых советской властью мероприятий».

В год Большого террора он снова попал в поле зрения НКВД. Нашлись люди, согласившиеся дать против него свидетельские показания: будто бы говорил о неурожае и охватившем Россию голоде, о крайне трудных условиях жизни, когда ему, священнику, было невозможно устроиться на работу (на иждивении у батюшки была семья – жена и трое детей), и о том, что партийное руководство переключает внимание людей с экономических проблем на «зрелища». Что в этом было правдой, а что измышлениями?

В анкете по делу 37 г. обращает на себя внимание выразительная деталь, отмеченная следователем: «На груди наколот тушью крест». Видимо, был опыт – в лагере нателные крестики отни-

мали. Протокол фиксирует жесткий тон и напряженную обстановку допроса: о. Димитрий связи с другими подследственными и разговоры на политические темы не подтверждает, о существовании «контрреволюционной организации» сообщить ничего не имеет. Попытки следователя оказать давление – в протокол занесены слова «Вы лжете» – вызывают один ответ: «Я следствию дал правдивые показания и больше добавить ничего не могу». Показания других подследственных о якобы завербованных им «членах организации» не признал [ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12783. Л. 42–82].

В данном случае о том, что позиция о. Димитрия во время следствия была неизменной, свидетельствует сравнение протоколов его допросов с протоколами других участников процесса. В них не отражена подобная твердость.

По делу проходило семь человек. Двое, о. Димитрий Овечкин и о. Николай Увицкий, 4 ноября 1937 г. были приговорены к «расстрелу». Приговор привели в исполнение 14 ноября. А родственники долгие годы не имели достоверных сведений о судьбе о. Димитрия. Даже после смерти Сталина, в 1957 г., на запрос вдовы священника был дан заведомо ложный ответ согласно установленной форме: «Овечкиной Ольге Григорьевне объявить устно, что Овечкин Дмитрий Киприянович 4 ноября 1937 года осужден на 10 лет ИТЛ, находясь в местах заключения умер 5 декабря 1941 г. от пеллагры. Смерть зарегистрировать в Загсе Осинского райисполкома» [ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12783. Л. 6].

Среди особенно запомнившихся – история священника Константина Воронцова. Для воссоздания человеческого и духовного облика священника важно сопоставление сведений о нем по делу 1937 г. и по делам более раннего периода. Привлеченный как «диверсант» в 1937 г., во время Гражданской войны о. Константин Воронцов выступал настоящим примирителем, по-евангельски, милуя тех, кто страдал или кому грозила опасность. В 1919 г. его впервые арестовали за «контрреволюционную агитацию». Сочинители доноса в ГубЧК особенно поусердствовали, расписывая то, как батюшка служил панихиды по белогвардейцам, убиенным и умершим в тюрьме при «красных», а в проповеди «призывал помнить Завет Бога о любви друг к другу, чтобы поскорее кончилась война». И не избежать бы тогда о. Константину расстрела, если бы поручителями за него не выступили коммунисты, члены Исполкома, заявившие, что при «белых» батюшка посещал их, арестованных, в Оханской тюрьме: передавал продукты, некоторым давал у себя приют и очень многих спас от верной смерти своим пастырским заступничеством [ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11084. Л. 20–22]. В ЧК подумали и постановили: «За к/р деятельность заключить Воронцова в концентрационный лагерь на все время Гражданской войны без привлечения к нему амнистии, с привлечением к принудительным работам». Однако через десять дней, видимо, под давлением, – за освобождение о. Константина подали тогда подписи около 400 человек – передумали и выпустили «на поруки», а через два месяца и вовсе амнистировали [ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11084. Л. 36].

Через десять лет, в 1930 г., в ОГПУ начинают поступать «сигналы» от односельчан о том, что «поп Костя призывает не ходить на митинги и спектакли, не благословляет девиц замуж за комсомольцев и агитирует против вступления в колхоз» [ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 8031. Л. 68]. «Поручителей» не нашлось, и о. Константину определили наказание в три года концлагеря [ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 8031. Л. 167].

Заведенное в 1937 г. на о. Константина дело по сравнению с предыдущими выгладит коротким. Он проходит как второй по значению участник процесса. Из документов, касающихся его лично, – анкета и один протокол допроса. В обвинительном заключении переданы показания «информаторов» о том, что батюшка якобы «является членом контрреволюционной группы», готовившей диверсии на значимых объектах (происхождение этой «легенды» откроется далее. – М.Д., Н.Д.), «ведет антисоветские разговоры», «присвоил функции ЗАГСА», «умышленно задерживал верующих в церкви до 11 часов дня» [ПермГАНИ. Ф. 643/1. Оп. 1. Д. 9534. Л. 119–120]. Отец Константин Воронцов не признал вины, однако 13 октября 1937 г. по приговору «тройки» получил 10 лет ИТЛ. Был реабилитирован в 1989 г.

Еще одна история – сельского священника Иакова Носкова из села Вереино Верхне-Городского района. Дело также представляет интерес с точки зрения «тестирования» текстов на достоверность. На этот раз перед следствием семидесятилетний старец. Из крестьян, образование низшее. В 1929 г. присудили два года лишения свободы и пять лет высылки за неуплату хлебного

налога. В 37-м попал под «плановую зачистку».

За политической формой сфабрикованных дел 1937 г. не всегда удастся увидеть яркие примеры *свидетельства веры*. Из протоколов допроса о. Иакова: «В церковь служить я пошел сознательно, я хотел заменить расстрелянных советской властью священников, погибших за веру Христову. <...> Я решил, что мое место должно быть в рядах борцов за Церковь, за религию и в 1926 г. поступил на службу. <...> Я внушал верующим не допускать закрытия храмов. Сколько бы советская власть ни издевалась над нами, ни кошунствовала, придет же время, когда мы снова увидим счастливую жизнь» [ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 26519. Л. 14, 18].

Имен никаких он не назвал, но упомянул о том, что на предложение кого-то из односельчан временно укрыться отвечал так: «Будь что будет. Куда укроешься?» – и добавил: «Пусть меня расстреляют, я не боюсь. <...> Если я пострадаю от советской власти, я получу от Бога награду – рай» [ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 26519. Л. 13, 22]. Батюшка признает, что вел «контрреволюционные разговоры» с колхозниками, но не призывал к сопротивлению или свержению власти, а говорил только следующее: «Советская власть в рай гонит. <...> Только Богу одному известно, когда падет советская власть. Когда Бог увидит наши праведные дела, может послать нам избавление. <...> Советская власть дана нам за грехи наши» [ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 26519. Л. 14]. В пользу того, что слова священника записаны дословно или близко по смыслу, говорит то, что в протоколе встречаются не имеющие значения для хода процесса «слишком личные» речевые обороты: «хотел заменить священников, погибших за веру Христову», «пусть меня расстреляют, я не боюсь...» – и, наконец, отражается не политическое, а духовное осмысление происходящего и указывается выход: «советская власть дана нам за грехи наши» и «когда Бог увидит наши праведные дела, может послать нам избавление».

Выписка из протокола заседания «тройки»: «Постановили: Расстрелять. Лично принадлежащее имущество конфисковать». Из акта: «Приведено в исполнение 20 / IX – 37 в 24.00» [ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 26519. Л. 26, 29].

Когда в 1989 г. дело отца Иакова попало под действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16.01.1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в 30-х – 40-х и нач. 50-х годов», родственникам в связи с реабилитацией было рекомендовано выдать письмо о его смерти «без указания причин».

В конце 30-х – начале 40-х гг. были «изобличены» те, чьи имена стали для миллионов людей олицетворением Большого террора, уволены из следственных органов и осуждены «за применение незаконных методов следствия» лица, проводившие расследование дел 1937-1938 гг. Тогда же по заданию сверху было проведено и расследование действий некоторых бывших сотрудников НКВД в Перми.

Приведем фрагменты протоколов допросов свидетелей по делу главных обвиняемых.

«Начало в применении извращенных методов было положено б. / нач. Особого отделения МОЗЖЕРИНЫМ в июле 1937 года при ведении следствия по делу контрреволюционной организации, которой было присвоено название “Общество трудового духовенства”. По этому делу было арестовано свыше 30 человек. В это время в Перми находился бывший нач. УНКВД ДМИТРИЕВ. Ознакомившись с ходом следствия, он взял с собой некоторые протоколы допросов обвиняемых и вернул их в переработанном виде <...> с предложением подписать протоколы в таком виде обвиняемыми. Это указание было выполнено лично МОЗЖЕРИНЫМ. Из арестованных создали организацию всесоюзного масштаба, присвоили ей название, о чем не говорили сами обвиняемые» [ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12396. Т. 6. Л. 118].

«Выполняя указания ДМИТРИЕВА, Особый Отдел 82 стрелковой дивизии в лице его бывшего начальника МОЗЖЕРИНА избрал в качестве объекта мнимой диверсии строящийся оборонный завод № 98 и железнодорожный Камский мост. Между тем, в распоряжении МОЗЖЕРИНА никаких материалов или каких-либо уликовых данных о готовящихся <...> диверсионных актах не было. Тем не менее все арестованные были привлечены к уголовной ответственности и осуждены к ВМН как шпионы и диверсанты и как участники искусственно созданной МОЗЖЕРИНЫМ шпионско-диверсионной организации, а принимавшие активное участие в реализации этого фиктивного дела: МОЗЖЕРИН, ДЕМЧЕНКО и ПОНОСОВ были НКВД СССР награждены боевым оружием и металлическими часами» [ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12396. Т. 6. Л. 119].

В начале 50-х гг. по фактам злоупотреблений в ходе процессов 1937–1938 гг. были проведены дополнительные расследования.

Приведем фрагмент из обзорной справки по делу о бывших уполномоченных НКВД: «Указанные лица (бывшие следователи и уполномоченные. – М.Д., Н.Д.) 23 июня 1941 г. были осуждены Военным Трибуналом НКВД Уральского Военного Округа к ВМН. Из материалов дела видно, что СОЛОВЬЕВ и ПОПЦОВ были признаны виновными в том, что, работая в Ворошиловском райотделе НКВД в период 1937 – 38 годов, проводили массовые необоснованные аресты советских граждан, а в ходе следствия по делам арестованных применяли недозволенные методы допросов, занимались подлогом и фальсификацией следственных документов. В результате этих действий на территории Ворошиловского района было искусственно создано ряд несуществующих антисоветских организаций: шпионских, диверсионных, вредительских, террористических, повстанческих, националистических и т.д. <...> Как показали обвиняемые и многочисленные свидетели, к проведению массовых арестов были привлечены все сотрудники РО НКВД (перечисляются фамилии). Как видно из материалов дела, аресты граждан производились без соответствующих поводов и оснований, на основе заранее подготовленных списков, независимо от того, имелись ли на этих людей компрометирующие материалы или их не было, <...> а факты “преступной деятельности” обвиняемых излагались в зависимости от того, как сработает фантазия следователя. <...> В ходе следствия применялись метод камерной обработки, провокации, получения от арестованных заявлений с признанием своей вины, уговоры, холодный карцер, угрозы и запугивание. <...> Старший следователь следственного отдела Управления Госбезопасности при Совете Министров СССР по Молотовской обл. лейтенант В. Балков. 16 мая 1957 года» [ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12385. Л. 49].

И все же историческая справедливость – вещь относительная. Родственников пострадавших ожидали долгое хождение по инстанциям, уклончивые ответы, полуправда, а в некоторых случаях – и такое «утешение», которое заслуживает того, чтобы быть отмеченным.

Среди репрессированных в 1937 г. священников Пермской епархии был и о. Иосиф Калашников из д. Ананиной Чернушинского района. Обвинение стандартное: «Участие в к/р организации». Постановление о расстреле и конфискации имущества вынесено «тройкой» НКВД 25 сентября 1937 г. [ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 13385. Т.2. Л. 134–135]. В деле содержится и выписка из акта о том, что приговор приведен в исполнение 27 сентября 1937 г. [ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 13385. Т.2. Л. 137]. В 1958 г. о. Иосиф был реабилитирован посмертно. На запрос вдовы последовал ответ согласно инструкции: «Находясь в местах заключения, умер 26 января 1944 г. от кровоизлияния в мозг» [ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 13385. Л. 11], а в 1964 г. – и удовлетворение прошения о компенсации конфискованного имущества: «Всего подлежит возмещению из средств союзного бюджета 46 руб. 59 коп. (сорок шесть руб. пятьдесят девять коп.)» [ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 13385. Т. 2. Л. 306]. Такую компенсацию получили одинокая женщина и пять ее детей. Примерно столько стоила тогда пара туфель.

Обращение к судьбам пострадавших за веру не должно становиться поводом для возбуждения чувства мести. Образованные и не очень образованные, кроткие, но нередко и обличающие своих палачей во время следствия, они сознавали, что становятся жертвой за Христа, и, твердо веруя в то, что «врата ада не одолеют Церковь», надеялись только на то, что время вернет им добрую память.

Примечания

¹ Авторы выражают глубокую благодарность за помощь в работе с архивными документами сотрудникам ПермГАНИ.

Список источников

- Выписка из протокола допроса от 17 февраля 1939 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12396. Т. 6.
Дело священников Димитрия Овечкина, Николая Увицкого и др. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12783.
Дело священника Иакова Носкова // ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 26519.
Дело священника Иоанна Малмыгина // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 6625. Т. 1–2.
Дело священника Константина Воронцова (1919) // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11084.
Дело священника Константина Воронцова (1930) // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 8031.
Дело священников Константина Воронцова и Георгия Качанова (1937) // ПермГАНИ. Ф. 643/1. Оп. 1. Д. 9534.
Дело священника Савелия Байдарова // ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 7460.
Дело священника Симеона Савкина // ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 2230.
Дело священника Симеона Субботина // ПермГАНИ. Ф. 641/2. Оп. 1. Д. 16482.
Дело священников-старообрядцев Верещагинского района: Иоанникий Беляев, Афанасий Тунев, Федул Бажин, Федор Сальников. Очер // ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 26188
Дело священника Федора Бахматова // ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 27496
Обзорная справка по архивно-следственному делу № 15090 // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12385.
Дело священников Чернушинского района // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 13385. Т.2.

Библиографический список

- Antonow-Owsejenko A.* Stalin. Portrat einer Tyrannei. Munchen, 1992.
Conquest R. The Great Terror, 1934–1938. London, 1968.
Medvedev R. Let History Judge. The Origins and Consequences of Stalinism. Oxford, 1989.
Агафонов П.Н. Епископы Пермской епархии 1918–1928 гг. Пермь, 1997.
Балмасов С.С. Красный террор на востоке России в 1918–1922 гг. М., 2006.
Беглов А. В поисках «безгрешных катакомб»: Церковное подполье в СССР. М., 2008.
Вяткин П. Пермские архипастыри – новомученики. Пермь, 2000.
Васильева О.Ю. Государственно-церковные отношения советского периода: периодизация и содержание. URL: <http://www.pravoslavie.ru/arhiv/030317162928.htm> (дата обращения: 08.10.2013).
Васильева О.Ю. Церковь новомучеников. URL: <http://www.pravoslavie.ru/put/1457.htm> (дата обращения: 08.10.2013).
Годы террора. Книга памяти жертв политических репрессий. Ч. 6, т. 3. Пермь, 2011.
Головкова Л.А. Бутовский полигон и «Коммунарка». URL: <http://www.pseudology.org/Abel/Butovo.htm> (дата обращения: 08.10.2013).
Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. М.; Тверь. 1992–2002.
Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД, 1937–1938 // Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти / сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. М., 2004.
Мазырин А., свящ. Подвиг новомучеников и исповедников Российских как плод тысячелетнего духовного возрастания России // Церковь и время. 2012. № 1 (58).
Мазырин А., свящ. Значение подвига новомучеников и исповедников Российских // Церковь и время. 2009. № 1 (46).
Мазырин А., свящ. Крестный путь Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра (Полянского) на Урале (1926–1937) // Православие в судьбе Урала и России: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Екатеринбург, 18–20 апреля 2010 г.). Екатеринбург, 2010.
Мазырин А., свящ. Подвиг новомучеников и исповедников Российских как основа единства Церкви и Народного единства. URL: <http://pstgu.ru/news/life/science/2012/05/31/37740/>; <http://www.patriarchia.ru/db/text/2257926.html> (дата обращения: 08.10.2013).
Мазырин А., свящ. Советская власть vs Церковь. URL: <http://www.pravmir.ru/antireligioznaya-politika-sovetskoj-vlasti-i-reakciya-cerkvi-na-nee> (дата обращения: 08.10.2013).
Мазырин А., свящ. Смысл и значение подвига новомучеников и исповедников Российских // Журнал Московской Патриархии. 2011. № 6; 7. URL:

<http://pstgu.ru/news/life/science/2011/05/10/29723/> (дата обращения: 08.10.2013).

Мелентьев Ф. «В 1937 году в центр полетели телеграммы с просьбой увеличить лимит арестов» Заметки об открытой лекции «Бутово – русская Голгофа». URL: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/57901.htm> (дата обращения: 08.10.2013).

Митрофанов Г., прот. Русская Православная Церковь на историческом перепутье XX века. М., 2011.

Нечаев М.Г. Красный террор на востоке России // «Мудрость мира сего есть безумие перед Богом»: IV Краевые православные Феофановские чтения. К 90-летию «Красного террора» в России. Пермь, 2009.

Нечаев М.Г. Церковь на Урале в период великих потрясений: 1917–1922. Пермь, 2004.

Нечаев М.Г., Уткин С.В. Исполнение приказа № 00447 в среде православных Пермской епархии // Сталинизм в советской провинции 1937–1938 гг.: Массовая операция на основе приказа № 00447. / сост. М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер. М., 2009.

Русская Православная Церковь. XX век / под ред. Архим. Тихона (Шевкунова). М., 2008.

Сталинизм в советской провинции 1937–1938 гг.: Массовая операция на основе приказа № 00447 / сост. М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер. М., 2009.

Трагедия советской деревни: Коллективизация и раскулачивание: документы и материалы: в 5 т. 1927–1939 / гл. ред совет: В. Данилов, Р. Маннинг, Л. Виола и др. М., 1999–2006.

Цытин В., прот. История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды. 1700 – 2005. М., 2007. Гл. 2.

Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущёве. М., 2005.

Дата поступления рукописи в редакцию 08.10.2013

«LOOKING BACK TO 1937»: INQUEST FILES OF PERM PRIESTS SUFFERED DURING THE GREAT PURGE

M. I. Degtyareva, N.E. Degtyareva

Regional Institute of Continuing Education, Perm State National Research University, 614990, Perm, Bukirev str., 15

Department of History and Canonization, Permian Diocese, 614007, Perm, Tikhaya str., 23

maria-msses@yandex.ru

The subject of the essay is the history of mass repressions towards clergy in Perm during the Great Purge. The documents from the funds of the Perm State Archives of Contemporary History (PermGANI) are under investigation. General statistical data on repressions towards Perm clergymen, documentary records on the methods of local departments of NKVD (People's Commissariat for Internal Affairs), the samples of denunciations to the authorities and information about Perm clergymen suffered from the 1937 mass terror are presented. The connection between the terror policy of Stalin and his encirclement and the results of the All-Soviet Union Population Census of January 1937, when 56.7% of the country population considered themselves to be religious despite all anti-religious campaigns, are traced. The second reason of the Great Purge was likely to be the elections to the Supreme Soviet of the USSR, which were supposed to take place in December, 1937 and by that time the purge of people supposed to be "hostile" should be over. A thesis of Aleksander Mazyrin, a historian of the Russian Orthodox Church, on the changes in the State strategy towards the Church (turning from the provocation of the internal splits to its total destruction) is justified. The 1937 documents from PermGANI contain both the files of "Tikhonovtsy", "Sergianty" and "truly orthodox Christians". Old Believers, "Viktoriantsy" and "the Renovationists", who had been used as a kind of ram against "right" Tikhonovtsy's wing by the authorities, were among the political prisoners. The evidence connected with the Great Purge must be carefully analyzed but should not give the impetus to arouse the feeling of revenge.

Key words: repressions towards clergy, mass terror, the Great Purge, inquest files of PermGANI, relations between the Church and the State in XX century.

References

Vypiska iz protokola doprosa ot 17 fevralya 1939 g. // PermGANI. F. 641/1. Op. 1. D. 12396. T. 6.

Delo svyashchennikov Dimitriya Ovechkina, Nikolaya Uvitskogo i dr. // PermGANI. F. 641/1. Op. 1. D. 12783.

Delo svyashchennika Iakova Noskova // PermGANI. F. 643/2. Op. 1. D. 26519.

Delo svyashchennika Ioanna Malmygina // PermGANI. F. 641/1. Op. 1. D. 6625. T. 1–2.

Delo svyashchennika Konstantina Vorontsova (1919) // PermGANI. F. 641/1. Op. 1. D. 11084.

- Delo svyashchennika Konstantina Vorontsova (1930) // PermGANI. F. 641/1. Op. 1. D. 8031.
- Delo svyashchennikov Konstantina Vorontsova i Georgiya Kachanova (1937) // PermGANI. F. 643/1. Op. 1. D. 9534.
- Delo svyashchennika Saveliya Baydarova // PermGANI. F. 643/2. Op. 1. D. 7460.
- Delo svyashchennika Simeona Savkina // PermGANI. F. 643/2. Op. 1. D. 2230.
- Delo svyashchennika Simeona Subbotina // PermGANI. F. 641/2. Op. 1. D. 16482.
- Delo svyashchennikov-starobryadtsev Vereshchaginskogo rayona: Ioannikiy Belyaev, Afanasiy Tunev, Fedul Bazhin, Fedor Sal'nikov. Ocher // PermGANI. F. 643/2. Op. 1. D. 26188
- Delo svyashchennika Fedora Bakhmatova // PermGANI. F. 643/2. Op. 1. D. 27496
- Obzornaya spravka po arkhivno-sledstvennomu delu № 15090 // PermGANI. F. 641/1. Op. 1. D. 12385.
- Delo svyashchennikov Chernushinskogo rayona // PermGANI. F. 641/1. Op. 1. D. 13385. T.2.
- Antonov-Owsejenko A.* Stalin. Portrat einer Tyranei. Munchen, 1992.
- Conquest R.* The Great Terror, 1934–1938. London, 1968.
- Medvedev R.* Let History Judge. The Origins and Consequences of Stalinism. Oxford, 1989.
- Agafonov P.N.* Episkopy Permskoy eparkhii 1918–1928 gg. Perm', 1997.
- Balmasov S.S.* Krasnyy terror na vostoке Rossii v 1918–1922 gg. M., 2006.
- Beglov A.* V poiskakh «bezgreshnykh katakomb»: Tserkovnoe podpol'e v SSSR. M., 2008.
- Vyatkin P.* Permskie arhipastyri – novomucheniki. Perm', 2000.
- Vasil'eva O.Yu.* Gosudarstvenno-tserkovnye otnosheniya sovetskogo perioda: periodizatsiya i sodержanie. URL: <http://www.pravoslavie.ru/arhiv/030317162928.htm> (data obrashcheniya: 08.10.2013).
- Vasil'eva O.Yu.* Tserkov' novomuchenikov. URL: <http://www.pravoslavie.ru/put/1457.htm> (data obrashcheniya: 08.10.2013).
- Gody terrora. Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressiy. Ch. 6, t. 3. Perm', 2011.
- Golovkova L.A.* Butovskiy poligon i «Kommunarka». URL: <http://www.pseudology.org/Abel/Butovo.htm> (data obrashcheniya: 08.10.2013).
- Damaskin (Orlovskiy),* igumen. Mucheniki, ispovedniki i podvizhniki blagochestiya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi KhKh stoletiya. M.; Tver'. 1992–2002.
- Lubyanka. Stalin i Glavnoe upravlenie gosbezopasnosti NKVD, 1937–1938 // Arkhiv Stalina. Dokumenty vysshikh organov partiynoy i gosudarstvennoy vlasti / sost. V.N. Khaustov, V.P. Naumov, N.S. Plotnikova. M., 2004.
- Mazyrin A.,* svyashch. Podvig novomuchenikov i ispovednikov Rossiyskikh kak plod tysyacheletnego dukhovnogo vozrastaniya Rossii // Tserkov' i vremya. 2012. № 1 (58).
- Mazyrin A.,* svyashch. Znachenie podviga novomuchenikov i ispovednikov Rossiyskikh // Tserkov' i vremya. 2009. № 1 (46).
- Mazyrin A.,* svyashch. Krestnyy put' Patriarshego Mestoblyustitelya mitropolita Petra (Polyanskogo) na Urale (1926–1937) // Pravoslavie v sud'be Urala i Rossii: istoriya i sovremennost'. Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (g. Ekaterinburg, 18–20 aprelya 2010 g.). Ekaterinburg, 2010.
- Mazyrin A.,* svyashch. Podvig novomuchenikov i ispovednikov Rossiyskikh kak osnova edinstva Tserkvi i Narodnogo edinstva. URL: <http://pstgu.ru/news/life/science/2012/05/31/37740/>; <http://www.patriarchia.ru/db/text/2257926.html> (data obrashcheniya: 08.10.2013).
- Mazyrin A.,* svyashch. Sovetskaya vlast' vs Tserkov'. URL: <http://www.pravmir.ru/antireligioznaya-politika-sovetskoj-vlasti-i-reakciya-cerkvi-na-nee> (data obrashcheniya: 08.10.2013).
- Mazyrin A.,* svyashch. Smysl i znachenie podviga novomuchenikov i ispovednikov Rossiyskikh // Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii. 2011. № 6; 7. URL: <http://pstgu.ru/news/life/science/2011/05/10/29723/> (data obrashcheniya: 08.10.2013).
- Melent'ev F.* «V 1937 godu v tsentr poleteli telegrammy s pros'boy uvelichit' limit arestov» Zametki ob otkrytoy leksiі «Butovo – russkaya Golgofa». URL: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/57901.htm> (data obrashcheniya: 08.10.2013).
- Mitrofanov G.,* prot. Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' na istoricheskom pereput'e XX veka. M., 2011.
- Nechaev M.G.* Krasnyy terror na vostoке Rossii // «Mudrost' mira sego est' bezumie pered Bogom»: IV Kraevye pravoslavnye Feofanovskie chteniya. K 90-letiyu «Krasnogo terrora» v Rossii. Perm', 2009.
- Nechaev M.G.* Tserkov' na Urale v period velikikh potryaseniy: 1917–1922. Perm', 2004.
- Nechaev M.G., Utkin S.V.* Ispolnenie prikaza № 00447 v srede pravoslavnykh Permskoy eparkhii // Stalinizm v sovetskoj provintsii 1937–1938 gg.: Massovaya operatsiya na osnove prikaza № 00447. / cost. M. Yunge, B. Bonvech, R. Binner. M., 2009.
- Russkaya Pravoslavnaya Tserkov'. XX vek / pod red. Arkhim. Tikhona (Shevkunova). M., 2008.
- Stalinizm v sovetskoj provintsii 1937–1938 gg.: Massovaya operatsiya na osnove prikaza № 00447 / cost. M. Yunge, B. Bonvech, R. Binner. M., 2009.
- Tragediya sovetskoj derevni: Kollektivizatsiya i raskulachivanie: dokumenty i materialy: v 5 t. 1927–1939 / gl. red sovet: V. Danilov, R. Manning, L. Viola i dr. M., 1999–2006.
- Tsyplin V.,* prot. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi: Sinodal'nyy i noveyshiy periody. 1700 – 2005. M., 2007. Gl. 2.
- Shkarovskiy M. V.* Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' pri Staline i Khrushcheve. M., 2005.